

Он танец чувствовал сердцем

5 ноября народному артисту БССР Александру Рыбальченко исполнилось бы 95 лет

Не в первый раз листаю альбом с фотографиями, на которых запечатлены фрагменты танцев, поставленных народным артистом БССР А. А. Рыбальченко: “Лявоніха”, “Чарот”, “Метелица”... Они вошли в золотой фонд белорусской хореографии. Но перечислить все постановки, сделанные более чем за 50-летнюю творческую деятельность маэстро, практически невозможно.

Учитель

Мне посчастливилось знать Александра Алексеевича и работать с ним. Чем больше общался, тем больше открывал в нем новых граней. Александр Алексеевич был учителем в искусстве, учителем по жизни. Впервые я увидел его в 1954 году, когда пришел заниматься в драматический коллектив Дворца культуры железнодорожников имени В. И. Ленина. Это произошло на репетиции “Пінскай шляхты”, которую ставил С. П. Остроумов. В спектакле было много музыкальных номеров, исполнялась и белорусская полька в постановке А. А. Рыбальченко. На генеральной репетиции я получил от Александра Алексеевича интересную актерскую подсказку, что помогло мне развить сценический образ.

Он остался в моей памяти стройным, всегда подтянутым человеком с теплой улыбкой на лице. Одновременно в нем была и особенная строгость — не та, что отталкивает, а та, что дисциплинирует, привлекает. Вспоминаю один случай. Прошло несколько месяцев, как я после окончания вуза начал работать во Дворце культуры железнодорожников заведомо художественной самодеятельности. Народный театр давал выездной спектакль. Все организационные вопросы были урегулированы, и мы с женой решили пойти в кино (это был воскресный день). Увидев меня, Александр Алексеевич поинтересовался, куда я направляюсь. “В кино”, — бодро ответил я. Начался сеанс, и

вдруг мне передают просьбу маэстро зайти к нему в кабинет.

— Как ты думаешь, Гена, если коллектив выезжает со спектаклем, надо его проводить? А вдруг возникнут какие-то проблемы?

Ведь театр ждут зрители, — сказал Аексанло Алексеевич Я покраснел, поняв, что допустил ошибку. Это был урок на всю жизнь.

Педагогическое мастерство Александра Алексеевича заключалось не только в том, что он умел учить танцевать, передавать лексику танца. Самое главное — его умение вдохнуть жизнь в этот танец, раскрыть через исполнителей его душу, характер, национальный колорит. Каждое хореографическое произведение Рыбальченко было оптимистичным, наполнено любовью к человеку и своему Отечеству. Высшего мастерства самодеятельные артисты достигли в сюите “Дружба народов”, где были показаны танцы народов СССР.

Как-то Александр Алексеевич захотел увидеть свою программу “Беларусь в семье братских республик” как простой зритель, из зала, и попросил меня провести ее вместо себя. Потом я задавал себе вопрос: почему мне, неопытному молодому человеку, была доверена эта ответственная роль? Ведь по существу я становился координатором всей программы, в которой участвовало 120 человек. Ответ пришел сам собой: так была “устроена” старая интеллигенция. Александр Алексеевич следовал примеру своих замечательных учителей в Театре рабочей молодежи — Евстигнея Мировича и Константина Алюкситовича. Мне, -помощнику режиссера, он доверял и самостоятельные работы. Это помогло научиться тому, чему не учат ни в одном вузе. Он умел доверять, и это тоже была своего рода учеба. В жюри многих конкурсов проявлялась еще одна черта характера мастера: уважение к труду руководителя коллектива и участников самодеятельности, умение тонко, интеллигентно сделать разбор номера,

подсказать, что нужно в нем улучшить.

Характер

Родился Александр Рыбальченко в Киеве в семье слесаря-жестянщика. Физический труд отец считал основой основ. И когда сын объявил родителям, что хочет стать артистом, услышал в ответ: “Шурка, не дури, бери молоток и начинай работать”. Свою трудовую биографию Александр начал на паровозовагоноремонтном заводе чернорабочим и всегда гордился этим. Но природа души оказалась сильнее отцовского запрета.

Александр Алексеевич вспоминал, как в детстве мечтал попасть на новогодний утренник. Мама одела его в старенькие, но чистые выглаженные брюки, белую рубашку, слегка потертые ботиночки. Но дежурный перед входом в зал, где стояла елка, попросил мальчика уйти из клуба — он был одет “не по форме”. Сколько было пролито тогда детских слез! И только теплые слова мамы загладили горечь обиды.

Маэстро рассказывал, что в детстве на Пасху родители покупали ему новые брюки или ботинки. Это был настоящий праздник. Но Александр не любил выделяться среди друзей. Выходя из дома, мял брюки, а для большей убедительности посыпал их песком, и только тогда направлялся к ребятам. Это нежелание выделяться Александр Алексеевич пронес через всю жизнь. Он не часто менял костюмы, не носил шляп — помню его в серой кепке. Галстук надевал лишь по особо торжественным дням. Его стройность, подтянутость подчеркивали хорошо выглаженные брюки и до блеска начищенные туфли. В особо торжественных случаях ветеран Великой Отечественной войны надевал орденские планки и знак “Народный артист БССР”. В квартире его присутствовали только самые необходимые вещи, но зато это была галерея из написанных самим Александром Алексеевичем картин.

Мне, как ведущему концертов, порой запрещалось объявлять его титулы. Для маэстро это было не главное. Главное — дело, зритель, для которого мы выступаем. Тщательно выверялась каждая концертная программа, вне зависимости от того, шла она во время обеденного

перерыва, на небольшой станции в составе агитпоезда или на большой сцене ДК железнодорожников. Каждый концерт имел свою изюминку, свою атмосферу, поэтому не повторял предыдущий.

Александр Алексеевич часто рассказывал мне о любви к актерскому искусству. Однажды, уже будучи народным артистом республики, он признался: жалеет, что в свое время не откликнулся на приглашение театра имени Янки Купалы стать актером этой прославленной труппы. У маэстро был свой взгляд на театр, где актер, режиссер может в полной мере раскрыть свою индивидуальность, мировоззрение. Его душа всегда стремилась к полной самореализации. Наверное, это и привело Александра Алексеевича в 1932 году в драмкружок клуба железнодорожников. Ему нравился процесс создания спектакля и особенно работа над “лепкой” характера героя, поиск его индивидуальности.

Мастерство

Часто задаю себе вопрос: что же привело А. А. Рыбальченко к высотам искусства? Природный талант? Несомненно. Пытливость ума? И это тоже. Жажда творчества? Вне всякого сомнения. Все это помножьте на ежедневный труд. Александра Алексеевича никогда нельзя было увидеть вне дела. До последних дней жизни его волновало состояние белорусской хореографии, уход некоторых молодых мастеров от национальных особенностей белорусского танца и введение чуждых ему трюков. Особенно это касалось “Лявоніхі”. Этот танец должен быть визитной карточкой любого коллектива, отражать национальный колорит белорусского народа, как “Гопак” — украинского. А трюки ради трюков в танце означают погоню за дешевым успехом, считал маэстро.

Это был режиссер, балетмейстер, обладавший неумемной фантазией и чувством меры. “А танцы он чувствовал своим сердцем”, — говорил Е. А. Миревич о Рыбальченко, называя его настоящим самородком.

Так кто же он, Александр Рыбальченко? Создатель лучшего танцевального коллектива в бывшем СССР и первого в Беларуси народного ансамбля песни и танца. Первый народный артист

республики среди руководителей самодеятельных коллективов. Первый почетный гражданин города Гомеля среди творческой интеллигенции. Главный балетмейстер белорусской делегации на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Постановщик первого в Гомеле праздника песни. Человек, с чьим творчеством считались Игорь Моисеев, Геннадий Цитович, Игорь Лученок, Юрий Семеняко.

Не каждому удается выдержать испытание быть всегда первым. Не каждый, находясь на гребне славы, остается человеком большой скромности, высокого трудолюбия, несущим любовь и уважение к артисту народного творчества. А Александру Алексеевичу Рыбальченко это удалось.

АЛЕКСАНДР РЫБАЛЬЧЕНКО НА СЪЕМКАХ ТЕЛЕФИЛЬМА, ПОСВЯЩЕННОГО ЕГО ТВОРЧЕСКОМУ КОЛЛЕКТИВУ (ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА)